

© 2013 г.

Валентин Кудров

доктор экономических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ
главный научный сотрудник Института Европы РАН и ИМЭМО РАН
(e-mail: ieras@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА. РОССИЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧИТЬСЯ В МИРОВОЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Суждения о общем кризисе капитализма, приводящем к его краху, по мнению автора, антинаучны. Сегодня в мире капитализма – в странах со зрелой рыночной экономикой – уже практически создана инновационная система, содержащая в себе необходимые механизмы, которые способны обеспечить поступательное развитие общества. России предстоит подключиться к формированию такого опыта для строительства своего лучшего будущего.

Ключевые слова: экономика, кризис, капитализм, инновации, модернизация.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и трудный период выхода из него в 2010–2013 гг., сохраняющаяся нестабильность экономики ведущих стран Запада, не позволяющая до сих пор утверждать, что кризис не повторится, особая сложность экономического положения в таких странах Западной Европы, как Испания, Португалия и Греция (не говоря уже о Кипре), – это и многое другое вызвало новый всплеск (причем не только в России, но в известной мере и на Западе) суждений об обреченности капитализма, о его неспособности к дальнейшему развитию, о непреодолимости его противоречий. Эти суждения, прямо или косвенно предрекающие скорый крах капитализма и чуть ли не приближающееся торжество социализма, то ли традиционного, то ли обновленного, очень напоминают советские догмы, неоднократно опровергавшиеся жизнью. Но, может быть, эти суждения обоснованны или по крайней мере имеют право на существование? Может быть, действительно крупные нынешние сбои в функционировании механизма капиталистической экономики свидетельствуют о невозможности его дальнейшего существования? Может быть, уже понятно, что идет на смену капитализма и что осуществить такую смену должен именно социализм, представления о котором у многих критиков капитализма мало отличаются от того, чем был «реальный социализм» в СССР и его сателлитах? Но если не поддаваться тяге к простым ответам на сложнейшие вопросы и избегать тем самым искажения реалий, то будет очевидно, что дело обстоит совсем иначе. Даже в ны-

нешней сложнейшей ситуации капиталистический механизм тем не менее демонстрирует способность к позитивной эволюции, поиску и освоению путей восстановления экономического роста. Капитализм сохраняет и способность к социальному маневрированию, а его политическая система – способность к смене политических курсов в соответствии с меняющимися возможностями и потребностями общества. Все это отражает неспособность адаптационного потенциала капитализма и консервативности традиционного социализма коммунистического (советского) типа. Говорить о том, что близка смена капитализма социализмом, пока нет оснований не только в свете происходящей эволюции капитализма, но и в свете того, что нет никакой ясности, что нужно строить вместо него, если не считать административной переделки пропорций распределения общественного продукта между социальными группами.

Современные догматики не способны к действительно научному анализу, не могут признать, что человечеству неизвестна экономическая модель, которая была бы отлична от капиталистического хозяйственного механизма, что попытки использовать такую искусственную экономическую модель как советский социализм кончались полным провалом. Также догматики игнорируют тот факт, что традиционного социализма придерживаются сегодня лишь Северная Корея и Куба, но и в них он рано или поздно также прекратит своё существование, оставив после себя очень тяжелые последствия. Эти догматики, часто являющиеся апологетами китайской модели, не видят признаков ее разворачивающейся трансформации, уводящей страну от «классического» социализма. В противовес традиционному советскому социализму появилась на Западе социализированная модель зрелого капитализма, которую часто называют шведским, французским и т.д. социализмом, но упускают из виду, что это все-таки капитализм.

Чтобы двигаться вперед человечество должно безоговорочно признать: жизнь отвергла обанкротившийся «реальный» марксистско-ленинский, а точнее, ленинско-сталинский социализм и привела к появлению такой общественной модели, в которой сохранена частная собственность, конкуренция, другие фундаментальные черты капиталистического хозяйствования, но резко возросли масштабы гуманной социальной политики, социально более оправданного распределения доходов и собственности вообще. Общество возложило на государство более масштабные функции по регулированию процесса общественного производства, по поддержанию стабильности при одновременном содействии прогрессивной структурной перестройке экономики.

Россия уже более 20 лет тому назад отказалась от социализма, но стала формировать «свой» капитализм с более острыми и все более оче-

видными социальными противоречиями и пороками, сильнее тормозящими развитие, чем современный эволюционирующий капитализм. С пути создания современного капитализма Россия свернула еще при Б. Ельцине, а при В. Путине, несмотря на рост жизненного уровня за счет внешнеэкономической конъюнктуры, жесткость общественных отношений заметно возросла.

Что сегодня представляет собой капитализм? Капитализм сегодня явно не «загнивает», а развивается в том смысле, что, сталкиваясь с кризисными процессами, трудностями циклического развития, деформациями финансовой системы и даже временным снижением жизненного уровня, сохраняет потенциал прогрессивного развития, возможности роста конкурентоспособности, повышения эффективности производства и, соответственно, смягчения обострившихся ныне социальных противоречий. Эта общая констатация, основанная на факте сохранения присущих капитализму объективных и субъективных движущих сил, коренящихся в общественных механизмах современного капитализма, не означает затухания глубины нынешней кризисной фазы.

Ситуация с экономическим ростом развитых стран сложнее. Здесь темпы роста по-прежнему заметно ниже, чем в развивающихся странах, хотя в США падение производства в 2008–2009 гг. было меньше, чем в Западной Европе. В России же прирост ВВП в 2011 г. составил 4,3%, в 2012 г. 3,4% в 2013 г. он ожидается на уровне 2,3–3,0%¹.

В Западной Европе картина непростая. Самые позитивные темпы экономического роста демонстрируют экономики Скандинавских стран и Польши. В Норвегии прирост ВВП в 2012 г. составил 2,9%, в Польше – 2,1%, в Германии – 0,8 и во Франции 0,1%. В Италии и Испании было падение производства². На этом фоне ситуация в России внешне выглядит совсем неплохо. Величина ВВП нашей страны в 2012 г. достигла 62,4 трлн рублей, или примерно 3 трлн долларов (в США 16 трлн долл.)³. Внешне всё, казалось бы, хорошо, но по сути здесь много глубинных острых проблем, которые неизбежно отразятся на темпах роста в будущем. Тенденция к замедлению роста уже стала вполне очевидной.

Привлекает внимание то, что замедление темпов экономического роста в странах Запада вовсе не означает замедления темпов их научно-технического прогресса. Наоборот, при снижении темпов экономического роста и даже в кризисные годы, когда происходит падение производства, темпы научно-технического прогресса, как правило, возрастают. Об этом

¹ Ведомости. 01 февраля 2013 г.

² The Economist. January 26 – February 1, 2013. P. 76.

³ Независимая газета. 01 февраля 2013 г.

прогрессе модернизации в мире, который создает потенциал для будущего успешного развития, в России многие не любят говорить. Охотно констатируют падение и депрессию производства, но не обращается внимания на процессы качественного совершенствования. Падению обычного производства и росту безработицы сопутствует модернизация действующего станочного парка, отказ от устаревших машин и оборудования, повышение качества рабочей силы, сокращение численности менее квалифицированного персонала и привлечение новой, более качественной рабочей силы, переквалификация работников. При этом государство стремится ограничивать рост безработицы и смягчать ее последствия для жизненного уровня безработных путем активной социальной политики, хотя ее возможности на данном этапе сужаются.

В результате в странах со зрелой рыночной экономикой развертывается масштабный переход к новому технологическому укладу. Нарастает экспорт новой наукоёмкой продукции из этих стран, и бизнес получает значительную компенсацию своих потерь во время кризиса. Главным достижением стран Запада за последние 3-4 десятилетия является создание инновационной модели функционирования их экономики.

В настоящее время мировой рынок наукоёмкой продукции достигает 12,6 трлн долл. Доля США в нём составляет 36%, доля Японии – 30, Германии – 9,5, Китая – 7, а России всего 0,3%. Сегодня мировой ВВП на 85% ежегодно прирастает за счёт выпуска наукоёмкой продукции¹.

По оценке Европейской комиссии, лидерами инновационного развития в ЕС являются Швеция, Дания, Финляндия, Германия и Великобритания. Эти страны превосходят средний показатель инновационного развития для ЕС в целом (27 стран) почти на 20%. Их опыт показывает, что институциональной базой для формирования современной инновационной экономики является зрелая рыночная среда, благоприятные условия для предпринимательства, грамотная государственная инновационная политика.

Как пишет известный венгерский экономист Я. Корнаи, «капиталистический мир создаёт условия для развития инновационных процессов, а также увеличивает вероятность того, что страна будет в них вовлечена... Капиталистическую систему отличает высокий темп по всем направлениям технического прогресса, именно она породила все прорывные инновации...»². России подобно Польше и некоторым другим европейским постсоциалистическим странам уже давно пора встать на путь реального создания современной зрелой капиталистической экономики, а не подменять ее различными псевдокапиталистическими моделями, уводящими в сто-

¹ И. Иванов. Российские предприятия в открытой рыночной экономике. М, 2011. С. 109.

² Вопросы экономики, № 1, 2012. С. 19.

рону от прогресса. Для этого нужна эффективная государственная стратегия по формированию инновационной модели. Пока такая политика в России еще не выработана.

При этом нельзя игнорировать тот факт, что создание зрелой рыночной экономики в развитых капиталистических странах и внедрение в неё инновационной модели развития опиралось не только на крупные корпорации и холдинги, которые создавали у себя мощные исследовательские центры, институты и лаборатории, но и на малый и средний бизнес.

Инновации и модернизация могут быть реальными лишь тогда, когда они сопровождаются инвестициями. При этом затраты на НИОКР оказываются намного меньше инвестиционных затрат по претворению их в реальные продуктовые новинки. В США затраты на НИОКР достигают сейчас 415 млрд долл., или 2,7% ВВП. Затраты же на инвестиции, связанные с затратами на НИОКР, в несколько раз больше.

Сегодня мир капитализма стоит на новом пороге технологической и инновационной революции на базе новых прорывов в модернизации производственного аппарата, в электронике, информационных технологиях. По существу в странах со зрелой рыночной экономикой уже практически создана инновационная система, содержащая в себе необходимые механизмы и ориентиры по ускорению научно-технического прогресса и модернизации производства и общества.

В этой связи возникает вопрос: какие темпы экономического роста лучше – 5-6% в год при производстве обычной, а часто и устаревшей продукции, или 2-3%, но при условии, что примерно половина этого прироста приходится на инновационную продукцию? Ясно, что современная зрелая и инновационная капиталистическая экономика делает правильный выбор в пользу роста инновационной продукции, что было бы невозможно при форсировании общего роста. В этом ее явное преимущество перед незрелой или псевдокапиталистической экономикой.

Но это не означает, что современная зрелая инновационная капиталистическая экономика, компенсирующая количественное снижение своих темпов роста повышением их качества, не имеет серьезных проблем. Наиболее очевидной является проблема долга, причём не только частного, но и государственного. Чрезмерные долги, накопленные в США и во многих странах Западной Европы, создали серьёзную угрозу массовых и масштабных неплатежей, а следовательно, и кризис финансовой системы. Долговое кредитование экономики определенное время способствовало ее развитию, но сейчас стало источником многих трудностей и противоречий.

Федеральная резервная система (ФРС) США даже объявила о необходимости реформирования американской финансовой и банковской сис-

темы. Однако дело до такой масштабной реформы не дошло, и ФРС взялась за реформирование отдельных банков. Не дошло дело и до реформирования банковской системы стран Западной Европы и ЕС. Но вопрос этот не снят с повестки дня, и только будущее покажет, как будет проходить (частично или комплексно) этот процесс в перспективе. Больше всех в его решении в Европе заинтересована Германия, ставшая главным кредитором многих стран, порой в ущерб своим национальным интересам.

Как уже отмечалось, инновационный процесс разворачивается на Западе независимо от экономического кризиса. Но сегодня Запад будет ускорять его с учётом повышения роли в мировой экономике таких стран, как Китай, Индия и Бразилия, конкуренции с ними. Можно ожидать, что ускорение инновационного процесса перерастет в инновационный бум, прыжок. И это вызов не только развивающимся странам, но и России. Ответить на такой вызов нынешняя экономическая система России не может.

Наконец, отметим обострение на Западе социальных проблем. В кризисный период они не только затрудняют оздоровление экономики, но и серьезно осложняют социальную обстановку. Это и рост безработицы, и снижение жизненного уровня значительной части населения, что порождает массовые протесты против недостаточной эффективности государственной социальной политики, игнорирования многими предпринимателями требований своих работников и т.д. Решение этих проблем осуществляется часто некомплексно, неэффективно и просто недостаточно в сравнении с их масштабом. Социальные факторы серьезно затрудняют научно-технический прогресс. Нельзя сказать, что острота социальных проблем преодолевается, но усилия государства и общества на этом направлении нарастают.

Перечень проблем капитализма можно продолжать, но для меня ясно: современный капитализм с ними в конечном счете будет справляться. Речь не идёт о том, что там не будет ни безработных, ни бедных, ни несправедливо пострадавших, ни провалов в той или иной сфере государственной политики. Речь идёт о том, что экономика восстановится после очередного кризиса, научно-технический прогресс продолжится, основы общественного строя не будут потрясены. Суждения же о общем кризисе капитализма, приводящем к его краху, антинаучны. Признание этого необходимо, если стремиться к строительству лучшего будущего для России.

Современные реалии российской экономики. Встав в 1985–1999 гг. на путь развития капитализма, как системы более прогрессивной, чем не оправдавший себя реальный социализм, Россия в последние полтора десятилетия не только не продвинулась реально на этом пути, но практически вновь очутилась в институциональном застое. Даже обеспечивая более высокие темпы роста, чем страны со зрелой рыночной экономикой,

Россия не справляется с задачей обеспечения устойчивого научно-технического прогресса, не может преодолеть накопление негативных факторов долгосрочного действия.

Объявленный курс на формирование инновационной модели экономики из года в год проваливается, российские же верховные руководители, временами признающие накопление нерешаемых проблем, чаще предпочитают утверждать иное. Так, в декабре 2012 г. президент В. Путин заявил: «У нас макроэкономика находится в абсолютно здоровом состоянии, таких (хороших. – **В. К.**) показателей у нас тоже давно не было». В. Путина можно понять так, что наша экономика – гордость для россиян и зависть для мировой экономики¹.

Тем временем средний срок жизни нашего станочного парка перевалил за 21 год, что почти вдвое превышает срок его нормативной службы. Более половины основных производственных фондов страны безнадежно устарело и нуждается в решительном обновлении. Почти 41% наших предприятий убыточны, в том числе в промышленности – 42%, в сельском хозяйстве и ЖКХ – 62%.

В начале 2013 г. руководством страны были провозглашены планы эффективного развития на ближайшую пятилетку, в соответствии с которыми среднегодовой прирост ВВП составит 5%, будет создано 25 млн новых рабочих мест в высокотехнологичных отраслях экономики, инвестиции возрастут вдвое и страна войдет в число мировых лидеров по производству сельскохозяйственной продукции². Тем не менее прирост ВВП в 2012 г. у нас оказался намного меньше 5%, а в 2013 г. намечается еще меньший³. Не хотелось бы, чтобы официальный оптимизм усиливал пассивность общества, в том числе в сфере экономики, чтобы мы вернулись в годы советских пятилетних планов, которые де-факто обычно не выполнялись, а де-юре считались перевыполненными, не в последнюю очередь благодаря припискам.

Примечательно, что совсем недавно, в 2009 г., будучи президентом, Д. Медведев честно признал, что «за все годы достаточно стабильного развития Россия решила очень много задач, но задача перехода на инновационные рельсы не решалась вообще. Мы её просто провалили»⁴. В том же году Д. Медведев заметил, что формально у нас много технопарков, центров трансфера технологий и т.д., но «всё это в основном, надо признать откровенно, существует только на бумаге». Ситуация с тех пор из-

¹ Независимая газета. 29 декабря 2012 г.

² Независимая газета. 01 февраля 2013 г.

³ Ведомости. 06 февраля 2013 г.

⁴ Коммерсантъ. 01 сентября 2009 г.

менилась мало, но подобные объективные оценки почти исчезли из выступлений наших руководителей. Конечно, обществу необходим исторический оптимизм, но он благотворен, если базируется на конкретной работе по преодолению трудностей. Пока же с точки зрения реального потенциала экономического развития нашей страны ситуация в целом заметно хуже, чем в 1989 г. Этим Россия существенно отличается и от стран Запада, и от постсоциалистических стран ЦВЕ и Балтии.

Сегодня по электронике и высоким технологиям Россия отстаёт от Запада на десятилетия. Объём гражданского машиностроения в России в разы меньше, чем в 1989 г. Объём машиностроительного производства у нас, по данным за 2008 г., в 30 раз меньше, чем в Германии, в 31 раз, чем в Китае и в 82 раза меньше, чем в Японии¹. Более чем сомнительно, что Россия может достичь экономического благополучия, производя огромное количество первичного природного сырья и выступая сырьевым придатком для многих, не только развитых стран. При этом «Газпром» постоянно объявляет себя национальным достоянием России.

Огромные диспропорции между обрабатывающей и добывающей промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг – реальные болезни российской экономики. Так, доли обрабатывающей и добывающей промышленности в общем объёме промышленного производства почти равны и составляют примерно по 15% ВВП. Такого нет в большинстве стран со зрелой рыночной экономикой. Доля машиностроения в общем объёме промышленного производства равна у нас также 15%, а в экспорте – 5%².

Сокращается доля прямых инвестиций в общий объём иностранных инвестиций в промышленность России. Так, в 2007 г. эта доля превышала 70%, а в 2010 г. снизилась до 19,1%, в 2012 г. – до 16,5%³, что свидетельствует о падении интереса зарубежного бизнеса к инвестициям в российскую экономику. Руководители России прилагают много усилий для привлечения иностранных инвесторов к масштабным вложениям в нашу экономику. Допустим, что увеличение прямых иностранных инвестиций в нашу экономику уже в ближайшие годы не исключено. Не исключено и увеличение импорта иностранных машин и оборудования в Россию. Особый вопрос: будет ли это использовано для развития обрабатывающей промышленности, а не для увеличения добычи природного сырья?

К тому же нужно учитывать, что спрос на нефть и газ в мире начинает снижаться, и сохранение упора на их производство и экспорт – угроза

¹ Коммерсантъ. 01 сентября 2009 г.

² Российская экономика: тенденции и перспективы. Июнь 2012 г. С. 16, 17.

³ Там же. С. 30.

российской экономике. Пока же стратегия выхода страны и её экономики из сырьевой зависимости, прежде всего от экспорта нефти и газа, провозглашена, но не имеет конкретного реалистического содержания.

Нужно отдать должное Д. Медведеву, который, выступая в марте 2011 г. в Магнитогорске, заявил следующее: «Я уже давал оценку инвестиционному климату в нашей стране. Он у нас очень плохой... В этом году условия для ведения бизнеса для многих небольших компаний не улучшились, а скорее ухудшились; коррупция остаётся фактором, который влияет на общеэкономическую ситуацию, результат очевиден – деньги бегут из нашей экономики»¹. Но никто из российских руководителей не дал глубокого анализа причины всего этого, а потому и не может определить пути выхода, если не считать чрезмерно общих формулировок. В последнее время телевидение оповещает жителей России о том, что В. Путин резко раскритиковал руководителей многих министерств и ведомств. Но нам нужна масштабная реформа всей управленческой системы и трудовых ресурсов. Управленческая система России архаична. Она несёт в себе давно устаревшие черты ручного управления, иерархической вертикали, основанной на принципе «начальник – подчинённый». Вместо современной коллегиальности, принципа равенства всех экспертов, независимо от занимаемой должности, свободы мнений и дискуссий в интересах принятия грамотных и хорошо продуманных решений заседания у президента и премьера заканчиваются, «снизу» никто не возражает и не спорит, лишь послушно кивая головой, но кардинальных решений не принимается.

Модернизации не способствуют состояние общественного сознания в России, сложившийся противоречивый национальный менталитет. Позитивных изменений в этом отношении не наблюдается. Кратковременный подъем политической активности малой части населения не привел к преодолению широко распространенной пассивности. Вообще в период 2000–2012 гг. в сознании значительной части элиты усилились тенденции не модернизационной, а антимодернизационной направленности. Огромное количество статей, книг и выступлений в научных, квазинаучных и популярных журналах, на конференциях и симпозиумах призывало и призывает к возврату советских времен, абсолютизации государства, усилению репрессий, к изоляции от Запада. Это несовместимо с решением задач модернизации страны и общества.

Такой настрой, по существу поддерживаемый многими в руководстве страны, служит сохранению негативных черт нашей экономики.

¹ Экономическая наука современной России. № 2, 2011. С. 64.

Не буду останавливаться на общеизвестном факте – в российском государстве сформировался специфический коррупционный режим, который стал очень весомым фактором подрыва ресурсного потенциала экономики. Перспективы устранения этого режима сомнительны. Ведь общая сумма коррупционных сделок в России превышает 240 млрд долл. в год. Это своего рода фундамент благосостояния элиты.

Итоговой характеристикой состояния российской экономики может служить уровень эффективности производства. Он не намного выше старого советского уровня. Известно, что производительность труда в СССР всегда находилась на весьма низком уровне, особенно при сравнении с США. По нашим оценкам, производительность труда в обрабатывающей промышленности СССР в конце 80-х гг. XX в. составляла порядка всего лишь 24% от уровня США¹. В настоящее время, по оценкам Лозаннского института мировой экономики, народнохозяйственная производительность труда в России в 3,2 раза ниже, чем в США, в 2,5 раз ниже, чем в ведущих странах ЕС и в 2,3 раза ниже, чем в Японии².

Ещё раз к вопросу об инновациях. Приходится сделать вывод, вытекающий из опыта последних двух десятилетий: создать в России современную инновационную экономику и необходимую ей инфраструктуру при нынешней экономической системе не удастся. Если же начать реально решать эту задачу, нужно понимать, каким путем действовать: постепенным или форсированным, эволюционным или более решительным, обеспечивающим не количественные, а качественные изменения, повторяющим путь более развитых стран или фазу перехода на более высокий уровень. Это на Западе, особенно в США, инновационная экономика создавалась в течение последних четырёх десятилетий спокойно, эволюционно и сбалансированно. Так развиваться позволяют условия и стимулы, присущие развитой рыночной экономике. Поэтому в течение 1970–1980 гг. 40% прироста ВВП большинства стран-членов ОЭСР обеспечивалось за счёт инноваций, в 1990-е гг. – уже более 50%. В России же этот процент не превышает трех. Более того, Россия в этот период заметно отступила назад, серьёзно ослабила свои позиции в мировом инновационном процессе.

В 2010 г. лишь 9,3% российских хозяйствующих субъектов осуществляли инновации, в то время как в Германии – почти 72%, в Японии – 68, в Канаде – 65, в Эстонии – 53, Латвии – 27%. Удельный вес инновационной продукции в общем объёме производства товаров и услуг составил в

¹ Вопросы экономики. № 1, 1998. С. 118.

² Вопросы статистики. № 7, 2009. С. 6.

России в 2010 г. всего 0,4%, в то время как в Венгрии и Чехии – более 10%, в Португалии – почти 9%¹.

По индексу человеческого развития (ООН) Россия занимает всего лишь 65-е место из числа обследуемых 85 стран, в то время как Норвегия – 1-е место, Швеция – 9-е, а Финляндия, входившая когда-то в состав Российской империи, – 16-е. По индексу глобальной конкурентоспособности Россия занимает 66-е место из 143 стран, в то время как Швеция – 2-е, Финляндия – 7-е, Норвегия – 14-е. По индексу инновационной способности Россия занимает 80-е место из 130 стран, в то время как Финляндия – 6-е, Швеция – 10-е, Норвегия – 17-е².

Можно приводить и другие данные такого рода, но они общеизвестны, российские ученые один за другим приводят их в своих работах, не стесняясь бесконечных повторений. Критически значимый содержательный анализ этих данных в основном отсутствует. Ведь формально многие из таких используемых в мире форм государственной поддержки инноваций (налоговые кредиты и субсидии, ускоренная амортизация, временное освобождение от налогов, венчур-бизнесы, бизнес-инкубаторы, технопарки, всевозможные кластеры и т.д.) в России, казалось бы, есть. Но нет реальных результатов по ускорению инновационных процессов в стране, а причины такой ситуации исследуются мало. Нам нужно не декларировать необходимость создания современной системы механизмов стимулирования инноваций как в частном, так и государственном секторе народного хозяйства, а реально создавать их.

При этом нужно понимать, что инновационный перелом в масштабах экономики может обеспечить прежде всего российский частный бизнес, вопреки распространенному представлению о решающей роли государства. Что не означает отрицания важного участия государства в решении стратегических задач. Однако пока такое весомое участие почти не просматривается. Российский же бизнес обычно предпочитает занимать привычные ему и простые ниши, выпускает давно известную неинновационную продукцию. Его мало интересуют научные изобретения, прежде всего потому, что не получает реальных стимулов к инновациям ни от государства, ни от производства, ни от потребителей.

Как менять ситуацию? В. Полтерович, например, считает, что при переводе экономики на «инновационные рельсы» нужно медленное движение, причем не на базе прорыва в создании отечественной новейшей техники и технологии, а на базе «заимствования и доработки западных

¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2011. М., 2011. С. 441; Форсайт. № 3, 2011. С. 17.

² Инновационное развитие экономики. М., СПб., 2012. С. 196.

технологий». При этом он пишет, что «все российские институты развития должны быть переориентированы на задачи заимствования...»¹.

Возможно, такой подход можно расценивать как проявление реализма автора. Но он может способствовать ослаблению усилий по коренному обновлению и экономических механизмов, и всей системы общественных отношений в России. А именно от мобилизации усилий на такое обновление зависит формирование способности нашей страны к преодолению тенденций, продлевающих ее историческое отставание. Нужны решительные действия, революционизирующие экономику. Мировой опыт свидетельствует, что многие страны сумели сформировать инновационную модель своей экономики в весьма короткие сроки. И опыт Скандинавских стран, а также Сингапура, Тайваня и Южной Кореи далеко не исчерпывающий.

Отметим ещё один спорный момент. В. Полтерович утверждает: «Кризис, начавшийся в 2007 г., имеет не финансовую природу, а вызван “инновационной паузой”»². Но в развитых странах со зрелой рыночной экономикой за последние 30-40 лет такой паузы не было, напротив, произошла научно-техническая революция. А вот в СССР такая пауза была, и она продолжается в современной России. Кстати, последний мировой экономический кризис побудил развитые страны к наращиванию инноваций, являющихся органической частью их социально-экономической системы.

В 2010 г. Минэкономразвития РФ опубликовано прогноз инновационного развития России на период до 2020 г., в котором говорится, что Россия по своей природе «одна из самых консервативных стран», что вполне объяснимо отсутствием у нас в прошлом товарно-денежных отношений, застоём рыночных реформ в последние годы. Не случайно, что намеченные показатели по ускорению научно-технического прогресса не выполняются. Нужны серьёзные преобразования общества, в том числе и национального самосознания.

При этом России необходимо иметь добрые партнёрские отношения с Западом, масштабно сотрудничать с ним не столько в экспорте нашего сырья, сколько в сферах инноваций, высоких технологий. Надо теснее сближаться и с западной цивилизацией. Можно согласиться с мнением И. Клямкина, который считает, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код»³. Только освоение современных рыночных механизмов и демократических институтов, изучение опыта развитых капиталистических стран могут стать базой для формирования инновационной модели в России.

¹ Россия в условиях мирового кризиса. М, Наука, 2009. С. 237. 238.

² Там же. С. 233.

³ Цит. по: С. Кара-Мурза. Россия и Запад, или что нас ждёт. С. 10.